

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Том 26, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ



Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, г. Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, г. Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук, (Москва, Россия)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н., (Улан-Удэ, Россия)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, г. Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадалов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Оренбург, Россия)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Челябинск, Россия).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2021 Vol. 26, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA



Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2021

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bon)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Moscow, Russia)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Ulan-Ude, Russia)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Kemerovo, Russia)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Orenburg, Russia)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Chelyabinsk, Russia)

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.
Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.*

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2021 Том 26, №3

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.* Комплекс Аксай-1
(к проблеме изучения древних антропоморфных изваяний и оленных камней
Центрального Казахстана) 7
- Голвченко Н. Н.* «No connection»: расстёгнутый пояс в погребальной
обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа 24
- Федорук О. А.* Детские погребения с украшениями в андроновских
(федоровских) некрополях степного и лесостепного Алтая 36
- Пигарев Е. М.* Русские вещи из золотоордынской столицы — города
Сарай ал-Джедид (к вопросу о расселении русских в золотоордынских
нижневолжских городах) 49

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Авдашкин А. А., Салганова Е. И.* Евразийская миграционная система:
региональные ракурсы функционирования (на примере Южного Урала) 67
- Ярков А. П.* Средняя Азия и Западная Сибирь во второй половине XVI в.:
политические и этнокультурные связи 82
- Мухамадеев А. Р.* О преступлениях и наказаниях в кыпчакском сообществе
(XI–XIV вв.) 92
- Атдаев С. Дж.* Круговые обходы в обрядовой практике туркмен 107

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Арсенина О. В.* Теологическое и эмпирическое осмысление ценностного
(религиозного) потенциала прихожан православных храмов города Владимира
в контексте актуализации социального благотворительного служения 128
- Мухтарова Г. Р., Железняков Б. А.* Буддизм Илийской долины
XII — начала XIII в.: о находках предметов буддийского культа на городище
Талгар И. И. Копыловым 145
- Ильин В. Н.* Старообрядчество на Алтае во второй половине XIX —
начале XX в. 161
- Недзельюк Т. Г.* «Письма во власть»: рефлексия мигрантов Западной
и Восточной Сибири относительно государственно-конфессиональной
политики (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) 174
- ДЛЯ АВТОРОВ** 184

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2021 Vol. 26, №3

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D.* The Aksai-1 complex (to the studying of ancient anthropomorphic statues and deer stones of Central Kazakhstan).....7
- Golovchenko N. N.* “No connection”: unbuttoned belt in the funeral rites of the population of the upper ob region of the early iron age24
- Fedoruk O. A.* Children’s burials with jewelry in the andronovsky (fedorovsky) necropolises of the steppe and forest-steppe Altay.....36
- Pigarev E. M.* Russian things from the golden horde capital-the city of Saray al-Jedid (on the question of the settlement of russians in the golden horde lower volga cities).....49

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Avdashkin A. A., Salganova E. I.* Eurasian migration system: regional areas of functioning (on the example of the South Urals)67
- Yarkov A. P.* Central Asia and Western Siberia in the second half of the XVI century (political and ethnocultural relations)82
- Mukhamadeev A. R.* On crimes and punishments in the kypchak community (XI–XIV centuries).....92
- Atdaev S. J.* Circulars in the ritual practice of Turkmen107

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Arsenina O. V.* Theological and empirical understanding of the value (religious) potential of parishioners of orthodox churches in the city of Vladimir in the context of actualization of social charity service..... 128
- Mukhtarova G. R., Zheleznyakov B. A.* Buddhism of Ily valley of the XII — beginning of the XIII centuries. Finds of I. I. Kopylov objects of buddhist rite from the talgar site145
- Ilyin V. N.* Old Believers in Altai in the second half of the 19th — early 20th centuries 161
- Nezelyuk T. G.* “Letters to the authorities”: reflection of migrants of Western and Eastern Siberia on state and confessional policy (second half of the XIX — first quarter of the XX centuries)174

FOR AUTHORS.....184

УДК 392: 395 (575.4)

DOI: 10.14258/nreur(2021)3–08

С. Дж. Атдаев

Институт истории и археологии АНТ, Ашхабад (Туркменистан)

КРУГОВЫЕ ОБХОДЫ В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ ТУРКМЕН

В обрядовой практике туркмен особое место занимает такое явление, как *круговые обходы*. Тема эта в туркменской этнологии совершенно не изучена и представляет определенный предметный интерес. В данной статье анализ круговых обходов у туркмен начинается с пространственно-временной модели. Далее рассмотрено присутствие круговых обходов в бытовых реалиях и обрядовых ритуалах общества. Обходы имели место в свадебных церемониях, где служили сохранению счастья и благополучия молодоженов. Подобные действия часто применялись при выборе будущего жилища. Чтобы в семье был достаток и богатство, вокруг вновь возведенного дома несколько раз обводили домашнюю скотину, так как считалось, что это приносит счастье и благополучие. Круговые перемещения прослеживаются в народных танцах, играх и развлечениях. Обряд производился в следующих случаях: при вызывании дождя; очищении человека на святом месте и получении благословения от святых покровителей; прогоне скотины вокруг святого места и в похоронно-поминальных ритуалах. Круговые обходы практиковались и при сеансах лечения, однако обрядовое врачевание со временем ушло в прошлое, но выражение «айланайын» как способ выражения любви и сопереживания за близкого человека сохранилось и поныне существует в бытовой и литературной речи.

Ключевые слова: круговые обходы, пространство, время, жилище, свадьба, танец, инициация, вызывание дождя, лечение, святые места, похоронно-поминальные обряды.

Цитирование статьи:

Атдаев С. Дж. Круговые обходы в обрядовой практике туркмен // Народы и религии Евразии. 2021. № 3 (26). С. 107–127.

DOI: 10.14258/nreur(2021)3–08

S. J. Atdaev

Institute of History and Archeology of ANT, Ashgabat (Turkmenistan)

CIRCULARS IN THE RITUAL PRACTICE OF TURKMEN

In the ritual practice of the Turkmens, such a phenomenon as “roundabouts” occupies a special place. This topic has not been studied at all in Turkmen ethnology and is of certain subject interest. In this article, consideration of the issue of circular detours among the Turkmens begins with a space-time model. Further, the presence of roundabouts in everyday life and ritual rituals of society is considered. Circumstances took place in wedding ceremonies, where they served to preserve the happiness and well-being of the newlyweds. Such actions were often used when choosing a future dwelling. In order for the family to have prosperity and wealth, livestock was circled around the newly erected house several times, as it was believed that this brings happiness and prosperity. Circular movements can be traced in folk dances, games and entertainment. The ceremony was performed: when making rain; when cleansing a person in a holy place and receiving blessings from patron saints; when driving cattle around a holy place and during funeral and memorial rituals. Circular walks were also practiced during treatment sessions, however, ritual healing eventually became a thing of the past, but the expression “ailanayin”, as a way of expressing love and empathy for a loved one, has survived and is still used in everyday and literary speech.

Keywords: roundabouts, space, time, home, wedding, dance, initiation, rainmaking, treatment, holy places, funeral and memorial rites.

For citation:

Atdaev S. J. Circulars in the ritual practice of Turkmen. *Nations and religions of Eurasia*.

2021. № 3 (26). P. 107–127.

DOI: 10.14258/nreur(2021)3–08

Атдаев Сердар Джумаевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института истории и археологии АНТ, Ашхабад (Туркменистан). Адрес для контактов: serdar63atdayev@gmail.com, serdar-atdayev@rambler.ru
Atdaev Serdar Jumaevich, candidate of historical Sciences, docent, leading researcher of the sector of ethnography of the Institute of history and archeology of TAS, Ashgabat (Turkmenistan). Contact address: serdar63atdayev@gmail.com, serdar-atdayev@rambler.ru

Введение

Данная статья посвящена ритуалу круговых обходов, который выступает одним из самых архаичных магических действий в традиционной культуре многих народов. Актуальность работы заключается в том, что эта тема в туркменской этнологии совершенно не изучена и представляет определенный предметный интерес.

В своем исследовании мы попытаемся рассмотреть научную литературу по данной тематике, проанализировать имеющуюся полевою информацию, осуществить систематизацию материала, применить комплексный метод исследования и сравнить полученный результат с имеющимися публикациями на эту тему.

Говоря об обзоре современного состояния данной проблемы, надо констатировать, что в туркменской этнологии она не разработана и даже не затрагивалась. Если говорить о работах исследователей евразийского пространства, то надо отметить, что тема круговых обходов изучена достаточно подробно. Вопрос этот рассматривается больше в проекции: центр — окружность, когда древние люди при помощи перечисления элементов ландшафта создавали символическое пространство, которое наполнялось объектами по направлению от центра к периферии [Традиционное, 1988: 25]. Иные исследователи делают акцент на взаимозависимости центра круга и внешней окружности. Главная идея обхода здесь заключается в самом процессе движения по окружности, в прохождении через намеченную пограничную точку и достижение «Света» [Кондыбай].

Другая группа ученых уделяет внимание направленности движения по кругу: по солнцу (по часовой стрелке) или против солнца (против часовой стрелки) [Набиева, 2016: 55; Султангареева, 2013: 402]. Мы тоже попытаемся рассмотреть данную тему в этом ракурсе, рассматривая зависимость направления кругового движения от цели конкретного действия и ситуации. Кроме того, попробуем проанализировать направленность и значение круговых вращений предметами или руками над больными и покойниками, так как эти вращения в одних случаях являются дополнением к круговым обходам, а в других представляются их исчезающим отголоском.

Пространство и Время

Понятия кругового пространства и принципы его соблюдения особо ярко проявлялись у туркмен при выборе ими местности для проживания. Поселения состояли из юрт, часто располагавшихся по кругу на открытых местностях, что обеспечивало возможность панорамного обзора. Назывались они курень (*курен оба*). По сообщению Рашид-ад-Дина (1247–1318), кочевые племена часто располагали свои жилища наподобие кольца [Рашид-ад-Дин, 1952: 86].

В прежние времена перед тем, как отправиться в дальний поход, всадники несколько раз объезжали вокруг селения. Подобные действия повторялись и при возвращении домой. Нечто похожее сообщает нам ранняя история народов Центральной Азии. К примеру, у хуннов существовал ежегодный ритуал, когда глава племени — шаньюй осуществлял круговой объезд своих владений, производя инспекцию людей и скота [Бичурин, 1950: 50]. Подобная ревизия владений рисовала полную картину ситуации, выявляла недостатки, исправление которых приносило спокойствие и безопасность в регионе. У тюрков Южной Сибири сохранился обряд, реконструирующий символическое создание пространства — воссоздание Космоса. Участники церемонии привязывали один конец веревки к березе и двигаясь по ходу солнца, связывали четыре березы, расположенные в каждой точке стороны света. В конце подобного обхода замыкался круг пространства и времени [Традиционное..., 1988: 25].

Изучавший восточное побережье Каспийского моря русский естествоиспытатель и путешественник XIX в. Г. С. Карелин (1807–1872) писал о том, что однажды к их лагерю приблизился неизвестный отряд из семи всадников. Остановившись в километре, они отправили вперед двух своих всадников. Сопровождавший отряд Г. С. Карелина туркмен Ярмамет-бек выступил переговорщиком и выдвинулся им навстречу. Однако его действия были необычны. Ярмамет-бек приближался к отряду не по прямой, а стал смещаться по дуге в левую сторону (т. е. по солнцу). Описав полукруг, он расположился на возвышении. Лишь после этого странного ритуала последовали переговоры [Путешествия..., 1883: 103].

Идея круговращения времени, основанная на восприятии природных и космических циклов, является центральной в тюркской культуре времени. Жизнь человека протекала в определенной цикличности сезонов года. У туркмен этот оборот нашел свое отражение в народном календаре — Муче, в основе которого лежал 12-летний животный цикл. Каждый цикл повторялся новым, создавая круговую замкнутость. Даже само схематическое изображение календаря имело округлую форму, внутри которой вращалось время Вселенной. Надо отметить, что многочисленные схемы тюркских календарей с изображениями животных по кругу не имеют единой трактовки. В одних схемах животные расположены в направлении по ходу солнца, в других — против солнца. В свою очередь год, сменяя четыре сезона, замыкал определенный цикл времени, отмечаемый праздником обновления — Новруз (*Новруз-байрамы*). Этот день считается началом нового витка в бесконечном круговороте бытия. Люди проводят день в веселье, завершая его коллективным обходом селения.

У тюрков Южной Сибири движение времени описывается как цикловое вращение. В одном из древних текстов завершение годового цикла передается такими словами: «начало года повернулось» — *чил бажы айланды*. В другом месте говорится: «солнце обошло» — *кун ебирилди*, т. е. сделало годовой круг [Традиционное..., 1988: 54].

Жилище

Обряд обхода часто применялся при выборе будущего жилища. По мнению ряда исследователей, магический круг-оберег семантически берет свое начало из ритуального кругового обхода человеком местности, где он решил заночевать или поселиться надолго. Подобный обход был необходим, чтобы убедиться в отсутствии нор хищников или опасных змей [Зеленин, 1931: 745].

Туркмены, перемещаясь на новые участки, непременно расчищали их от кустов и сорняков, дабы обезопасить себя от всякого рода насекомых и мошкары. Британский путешественник и исследователь А. Бёрнс (1805–1841), посетивший в начале 30-х гг. XIX в. туркменские селения Мервского оазиса, отмечал: «...кустарники вокруг кочевья были вырублены почти на милю во все стороны». И хотя сам путешественник объяснял это действие тем, что «они собственно уничтожены были потребностью топлива» [Бёрнс, 1849: 42], мы, однако, больше склонны полагать, что все это было осуществлено исключительно с целью нахождения в отдалении от назойливых комаров. Регулярные обходы вокруг жилищ и круговая расчистка территории были делом обычной санитарной практики.

Временные стоянки туркмены окружали веревками, сплетенными из верблюжьей шерсти. Считалось, что такая шерсть была способно оградить не только от змей и скорпионов, но и от злых духов. Чтобы в семье был достаток и благополучие, туркмены обводили вокруг дома корову, так как считалось, что это животное приносит счастье. Подобный ритуал отмечен и у тюркоязычных народов Северного Кавказа, которые обводили животное вокруг дома три раза [Текеева, 2013: 143].

У монголов считается, что животные на кочевье замыкают круговое жизненное пространство: ближайший к юрте круг называется «территорией, на которой пасутся телята», средний — «территорией, на которой пасутся овцы», а дальний — «территорией, на которой пасутся лошади» [Головнев, 2009: 398].

Обход вокруг жилища применялся и во врачебной практике. Немецкий этнограф Р. Карутц (1867–1945), посетивший в начале XX в. полуостров Мангышлак, описал необычный способ излечения. Р. Карутц отмечал, что больной человек рано утром, до восхода солнца, или же вечером, до заката светила, выходил из обращенных на юг дверей кибитки. Поворачивался влево и ложился на землю, сначала на правый бок, потом на левый. Далее он вставал и обходил сзади кибитки на запад (против солнца). Процедура повторялась два раза, и далее пациент возвращался в кибитку [Карутц, 1911: 139].

Ритуал обхода жилища традиционно характерен для жителей Центральной Азии. Если в стойбище приезжал гость, то он непременно должен был обойти юрту три раза, произнести фразу благопожелания и лишь затем войти в жилище [Ткачев, 1985: 38]. На Алтае кочевники каждый раз при переезде на новую стоянку первым делом «очищают» дом. Заселяющиеся в жилище должны зажечь ветку арчи и пройти три раза по кругу, окуривая чистым можжевеловым дымом все углы помещения [Банников, 2017: 79].

Телеуты после окончания строительства нового дома отмечали «свадьбу дома». Шаман в сопровождении хозяина обходил дом кругом, кропил углы аракой, угощая всех добрых духов. Хакасы, услышав первый весенний гром, трижды обегали вокруг юрты и били по ней ковшом. Эти действия воспроизводили мифологическую картину отторжения жилища от зимнего хаоса и установления порядка [Традиционное..., 1988: 122].

Практически у всех тюркских народов существовало символическое деление пространства жилища в соответствии с двенадцатилетним животным циклом. Солнечный луч, проникавший из дымового отверстия, перемещался по внутреннему пространству по кругу от одной части до другой в течение двух часов, каждый из которых обозначался именем одного из животных: час Мыши (0–2), Быка (2–4) и далее [Дашковский, 2012: 106].

Каноническая форма юрты была надежной и доступной моделью ориентации в пространстве и времени. Когда тувинские пастухи находились на пастбищах, они для определения времени чертили на земле план юрты. Посередине рисунка втыкали прутик и по тени, отбрасываемой им, определяли промежуток времени. У западных тувинцев летний световой день делился на десять частей. Солнечный свет, проникающий сквозь дымник, как часовая стрелка, бежал по кругу, перемещаясь по юрте. Так определялось время и составлялся распорядок дня [Потапов, 1960: 196–198].

Подобное определение промежутков дня некогда существовало и у туркмен. Ныне в обиходе используется только пять подобных определений, по которым распределя-

ется рабочий распорядок дня: *данг* — рассвет, *гушлук* — солнце расположено на юго-востоке, *гунорта* — полдень, *ойлән* — послеобеденное время и *агшам* — вечер.

Побывавший в Туркменистане корреспондент британской газеты «Daily News» Эдмонд О' Донован (1844–1883) писал, о том, что мервские туркмены охлаждали воду в огромных кувшинах, которые размещали в теневой части юрты. Лучи, проникающие в юрту через верхнее отверстие — тьюнук, в течение дня совершали круговое передвижение. По этой причине сосуды периодически смещали по кругу. Перемещение кувшинов через определенные временные интервалы и их новое расположение в юрте позволяло приблизительно знать, какой сейчас отрезок времени дня [Donovan, 1883: 306].

Круг олицетворял собою завершенность и стабильность. К примеру, если калмыки выносили из дому жидкие продукты, то их небольшую часть нужно было отлить назад, чтобы не разрывался круг счастья (*кишиг*) [Боржанова, 2007: 111]. Часто, чтобы чувствовать себя защищенными, люди рисовали на земле охранительный круг. В песне (калмыцкого) эпоса «Бёк Мёнген Шигширги» герой в подобной ситуации говорит следующее: «А теперь переночуем там, где нарисован круг, где начерчена линия» [Боржанова, 2007: 427].

Подобную особенность у туркмен рисовать на песке при объяснении чего-либо отмечал Донован. Во время беседы с одним из текинских предводителей Дыкма-Сердаром (1830–1882), последний «выказал удивительные познания в географии. На песчаном полу начертил пальцем круглую карту территории от Кандагара до Каспия» [Donovan, 1883: 118].

Свадьба

Элементы обхода можно наблюдать и в свадебных церемониях. Примером может служить обряд, сохранившийся в восточных районах Туркменистана. При приближении свадебного каравана к дому жениха его родичи разжигают костер. Молодожены трижды обходят справа (против солнца) вокруг костра. Обязательным ритуалом является вращение над головами молодых блюда с горящими ветками гармалы (*узьярлик*). Считается, что это растение обладает свойством очищать все кругом и отпугивать злых духов.

Символика круга, кругового обхода присутствует у многих тюркских народов. В обряде проводов невесты у казахов один из членов семьи брал кусок мяса или иную пищу, завернутую в тряпичный лоскут, и обводил три раза над головой невесты, чтобы «домашнее счастье не ушло с нею» [Кондыбай]. В Хорезмском оазисе на свадьбах исполняли ритуальный танец *жахр*, когда женщины образовывали круг и под возгласы «Ху! Ху!» ритмично двигались из стороны в сторону [Лобачева, 1981: 38]. В азербайджанской свадебной традиции, прежде чем покинуть отцовский дом, невеста в сопровождении отца обходит вокруг лампы, что означает «передачу семейной теплоты в новый дом» [Мамедов-Тагисой, 2018: 77].

Танец

Обряд обхода особо ярко прослеживается в круговых танцах, символизирующих жизненный круг. Для примера можно рассмотреть туркменский народный танец «*кушитдепди*», состоящий из повторяющихся полуоборотов (*депим*) по круговой. Люди

двигаются по кругу с приподнятыми руками. Истоками этого танца могут быть как суфийский зикр, так и ранние по форме камлания туркменских шаманов — порханов.

Танец этот необычен и хранит в себе очень глубинное смысловое значение. Для его исполнения характерно образование малого круга и ритмичные круговые движения, причем движения эти совершаются по солнцу. Вокруг этого круга образуется другой — более широкий, участники которого совершают ритмичные движения вперед и назад. Интересно описание этого танца, записанного в 1936 г. исследователем Кокориным в селе Кара-Гель (Гарагёл), на острове Челекен: «Женщины собираются в круг и, сначала свободно стоя, а потом, обнявшись, начинают, раскачиваться к центру круга... Ноги их не всегда стоят спокойно на месте, они переступают и слегка перемещают круг людей или вправо, или влево — по-разному» [Хангельдыева, 2018: 60].

Схожие мотивы прослеживаются и башкирском обрядовом танце «Поклонение Солнцу». Участники танца поднимают руки к Небу и водят круг по солнечному движению. Внутри большого образуется малый, который динамично движется против движения внешнего круга. Подобными действиями обыгрываются идеи первотворения космоса и ход противоречивой жизни [Султангареева, 2013: 402]. Интересен и хоро-водный танец «Пожелания дождя» (*Ямгыр теляу*), где участники движения, играя кистями рук, имитируют проливной дождь [Султангареева, 2013: 401].

В творчестве туркменского классика Махтумкули (1724–1807) есть строки, обращенные непосредственно к Всевышнему:

*Покровитель земли! По воле твоей
Да сойдет в этот мир поилец полей!
Арша свет, вождь планет, твой мир пожалей,
Пощади, дай дождя, дождя, мой султан!*
[Махтумкули, 1972: 601].

Можно предположить, что эти стихи некогда исполнялись во время ритуального кругового танца, совершаемого для испрашивания дождя. Танцы с перемещениями символизировали круговорот жизни. В других стихах Махтумкули мы находим такие сокровенные слова: То, что крутится налево — это колесо судьбы (*Чепине айланан чархы пелекдир*) [Махтумкули, 1983: 200]. Подобные круговые движения имеются и в других туркменских танцах: «*чапак*», «*хекге бёкуш*» и др. У туркмен Ирана даже сохранился боевой танец с ножами, где его участники совершают ритмичные круговые движения.

Калмыки во время исполнения круговых танцев двигаются против солнца. По их верованиям, движение в обратную сторону может принести несчастья. В том же направлении в своих круговых танцах перемещаются жители Анатолии, азербайджанцы, балкары и карачаевцы [Набиева, 2016: 53]. В прошлом у башкир каждую весну перед отко-чевкой на летовку к невестам аула приезжали женихи. Все вместе взбирались на гору, пели, плясали и, встав в круг, двигались против хода Солнца. Здесь прослеживается мотив поклона встречным лучам солнца и перехода в новое качество. В якутском сказании олонхо «Сын Лошади — Дырай Беге» герой просит божество предназначено-го ему коня и затем обходит поляну против солнца. Движение по солнцу должно было символизировать ускорение исполнения желаний, а ход против означал поклонение духам во имя возрождения в новом качестве [Султангареева, 2013: 402].

Игры. Посох. Инициация

Кружение присутствует во многих играх и развлечениях туркмен. К примеру, в детской игре «айлампач» ее участники неустанно вращались по кругу. В игре взрослых мужчин «йузук тапды» представителю одной команды следовало найти в ладонях членов другой команды спрятанное «кольцо», при этом водящему приходилось совершать ряд обходов против движения солнца.

Показательным является сельскохозяйственный обряд, известный у туркмен под названием «Хыдыр-кесек» (т. е. ком земли Хыдыра). На образовавшуюся после обмолота пшеницы кучу зерна сверху кладут небольшой глиняный ком — знак покровительства Хыдыр-ата. Известно, что этот святой обладал особым посохом, касание которого, к примеру, могло способствовать вызреванию сдвоенных плодов фруктов или овощей. По этой же причине дайхане проводили палкой, имитирующей посох святого, черту вокруг кучи зерна. Верилось, что подобный круг оберегает зерно от вредных насекомых. Согласно другим вариантам поверий, по ночам Хыдыр-ата мог сам совершать круговые хождения по этой линии, вследствие чего количество зерна могло даже увеличиться. Использование в сельском хозяйстве орудий труда округлой формы имело символическое значение. Так, туркмены Нижнего Поволжья отмежевание земельных участков производили колесами арбы «козлак-джер» [Идрисов, 2005: 150].

Кружение присутствовало и при ритуале посвящения подростка в момент перехода его от детства к взрослой жизни. Юного джигита сажали на лошадь, а его дядя водил скакуна по кругу. Истоки этого обряда берут начало из старых огузских традициях. Примером может служить церемония объявления султанским наследником юного туркменского правителя Мелик-шаха (годы правления 1072–1092). Его отец Альп-Арслан, посадив будущего правителя на коня, шел пешком перед ним [Ибн ал-Асир, 2006: 216].

Эта традиция прослеживается и у современных туркмен Ставропольского края. По достижении ребенком 7-летнего возраста устраивался обряд сажания на лошадь — «ата мундурме». Отец организовывал пир и в торжественной обстановке дарил мальчику новое конское снаряжение. Затем гости организовывали круг, а дядя мальчика по материнской линии вводил в нее лошадь и ставил головой на юг. После благословения муллы ребенок в сопровождении дяди ехал по дворам аула [Брусина, 2016: 488]. А. А. Володин, описавший этот обряд в начале XX в., отмечал, что лошадь мальчику приводил его отец. Мальчика сажали на лошадь, одевали в рваный бешмет, чтобы «народ не глазил», вешали ему через плечо сумку с пришитыми к ней разноцветными лоскутками материи и листочками с молитвами. Мальчик совершал объезд вокруг аула, раздавая сладости односельчанам. Взамен этого на гриву его лошади вешали мелкие серебряные монеты [Володин, 1908: 56].

Элементы кружения присутствовали и на охоте. Чтобы охота была удачной, туркменские охотники обводили свои луки, стрелы и ружья внутри казана, кружась вокруг него, проговаривали пожелания, чтобы после хорошей охоты казаны были полны добытым мясом.

Дождь

Круговые обходы у туркмен присутствуют и в обряде вызова дождя. Обращаясь к покровителю небесных осадков Буркут-баба, люди жертвовали козу. Скотину обводили вокруг аула, затем привязывали к колышку на возвышенности и с нетерпением ожидали осадков.

Другой обряд назывался «*сюйт-газан*». Пожилая женщина или старик, сопровождаемые группой детей, обходили кругом все поселение. Приближаясь к домам, они пели специальные куплеты. Хозяева одаривали участников обряда чем-либо съестным и обливали водой с пожеланиями дождя.

У туркмен до недавнего времени практиковался еще один обряд, называемый «Чемче-гелин» (невестка-ковш). Ковш обматывали в куски пестрой материи и с этим чучелом обходили селение несколько раз. С наступлением сумерек дети и подростки ходили по дворам, читая считалки, в которых просили у Всевышнего обильного дождя.

В прошлом туркменские порханы использовали «дождевой камень», совершая им круговые движения над головой. Арабский географ Ибн аль-Факих (IX–X вв.) в своем сочинении «Китаб ахбар аль-булдан» («Книга рассказов о странах») пишет, что люди подметили, как дикие животные находили спасение, прибегая к помощи дождевых камней. Они брали в рот эти камни, поднимали головы к небу, а на небосклоне волшебным образом появлялись спасительные дождевые облака. Заметив такое поведение животных, люди собрали эти чудесные камни: «Они направили камни против солнца, после чего небо затянулось тучами» [Ибн аль-Факих, 1939: 116].

Для вызова дождя у ставропольских туркмен и поныне практикуется обряд жертвоприношения «*Орталык садака*», проводимый весной. Из мяса жертвенного животного — барана, готовят бульон — *чорна*. Затем голову принесенного в жертву барана пускают по кругу, где всем участники отделяют от нее куски мяса для себя [Брусина, 2016: 490].

Лечение человека

Круговые обходы присутствовали и при лечебных сеансах. Выше мы приводили заметку Р. Карутца о том, как больной человек обходил кибитку против солнца [Карутц, 1911: 139]. Туркменские лекари обводили курицу вокруг головы больного, забирая его болезни и страдания. Считалось, что эта птица обладала особой энергией, позволяющей вывести из больного тяжелый недуг.

В лечебной магии использовали и других птиц. К примеру, тюркоязычные народы Северного Кавказа были убеждены, что достаточно три раза обвести живую ласточку вокруг больной головы человека, и тогда головная боль пройдет. Магической птицей считался и голубь, которого так же обводили три раза вокруг больного человека [Текеева, 2013: 143].

При лечении пациента туркменский порхан должен был выбирать нужное животное. Духи могли указать на курицу, барана или козла, которых следовало обвести вокруг больного. Обычно животное водили вокруг больного три или семь раз. Оно вос-

принималось как жертва, приносимая ради больного (*кеселин худай ёлусы*). В подобных ритуалах болезнь переселялась с больного на животное. Во время сеанса лечения порхан часто сам кружился по юрте, держась за веревку, подвешенную к верхней части жилища. Подобным кружением он призывал к себе на помощь помощников джинов [Басилов, 1986: 100].

Процесс обхода вокруг больного с целью вытягивания из него болезни известен давно на Востоке. К примеру, дочь Бабура Гульбадан-бегим (1523–1603) в своей книге «Хумаюн-наме» приводит романтическую версию гибели Бабура (1483–1530). В книге говорится, что Бабур, спасая тяжело заболевшего сына Хумаюна (1530–1556), согласно обряду, три раза обошёл вокруг ложа больного, говоря при этом, что берет на себя его болезнь. Вскоре Хумаюн стал поправляться, а Бабур, заболев, слег и через три месяца скончался [Ганиев, 2020: 132].

Хакасские шаманы при лечении женщины от бесплодия исполняли обряд притягивания ымай — *ымай тартар*. Шаман размещал чашку с молоком на голове женщины и трижды по солнцу обводил вокруг нее ветку березы — *хуруг ымай*. [Традиционное..., 1988: 31]. Калмыцкие лекари при лечении фурункула обвязывали их белой нитью, очерчивая символический круг. Нить в данном случае выступала как оберег, предотвращающий распространение болезни [Борджанова, 2007: 49]. У калмыков дар коstopравов — *отчи* переходил по наследству. С наследниками проводился обряд передачи дара, когда нужно было своими руками убить червя, заключенного в нарисованный круг [Борджанова, 2007: 71].

Туркменские лекари при лечении особо тяжелых недугов совершали коллективный ритуальный танец — зикр (*зыкыр*). Его еще называли громкий зикр — *джер*, так как он сопровождался зычным пением стихов-*газал*. Порхан лечил пациента, находящегося в кругу участников зикра. Этот способ лечения, однако, ушел в прошлое. Ныне в селах, чтобы излечить захворавшего ребенка, символично обводят три раза вокруг хлебной печи — *тамдыра*. На этих печах традиционно размещаются изображения бараньих рогов (*гочак, гочун шахы*), предназначенных для защиты от злых духов.

В сеансах лечения использовали огонь. Для избавления от хвори больных несколько раз обходили вокруг костра. Если молодая пара по какой-либо причине проходила через грязные места, то следовало непременно обвести их вокруг яркого пламени. В момент, когда у беременной женщины начинались схватки, то ее так же обводили вокруг печи или очага, проговаривая благие пожелания. Эти действия должны были облегчить прохождение родов.

Айланайын

Здесь мы подходим к особому понятию, определенному в туркменском языке термином «*айланайын*», производному от глагола «*айланмак*» — кружиться. В обиходе это слово означает: «жертвую собою». Выражение *айланайын* означает не только действие, но и обозначает готовность говорящего проявить свою жертвенность в адрес кого-либо. Можно предположить, что изначально это слово проговаривалось во время выполнения ритуала кругового обхода, а впоследствии стало образным выражением, используемым в устном народном творчестве.

«Очищение» людей и получение благословения на святых местах

Святые места часто являются объектом паломничества (*зиярат*). Больные желают исцелиться, а бездетные женщины в целях «лечебного очищения» повязывают деревья тряпочками, оставляя миниатюрные колыбельки (*салланчак*) и игрушечные луки. В заключение ритуала присители совершают трехкратный обход могил святых. Такие же действия производятся вокруг *чиле агач* — одиноко растущих или уже высохших деревьев, которые считаются святыми. Паломники трижды пролезают через изогнутую арку ствола или обходят дерево кругом три раза. Затем читаются молитвы, а деньги, предназначенные для жертвоприношений — *садака*, опускают в специальные ящички. В конце XIX в. Донован сообщал, что встречал на туркменских кладбищах коробки для жертвенных подношений. По его описаниям, снаружи они были обиты бронзовыми пластинками и укреплены железными стяжками [Donovan, 1883: 125].

Посещение святых мест с целью поклонения и отдания им почестей практиковалось с давних времен. К примеру, историк Мирхонд (1433–1498) пишет, что туркменский султан Алп-Арслан (время правления 1063–1072) перед тем, как отправиться в путь, посетил гробницу своего отца — Дауда Чагры-бека (989–1060) в Мерве. Затем он с группой лиц выдвинулся в сторону Туса. Вскоре они прибыли в Мешхед, где султан совершил обряд хождения вокруг гробницы имама Али ибн Мусы ар-Ризы [Мирхонд, 1939: 467].

Историк Ас-Самани (1113–1166) пишет, что близ Мерва находится селение Фирьянан, где сохранилась могила Абу-Абд-ар-Рахмана Ахмеда, которую люди посещают и обходят вокруг нее [Самани, 1939: 339].

Донован был свидетелем того, как в Мерве его спутники совершили молитвы над могилой шейха Юсуфа Хамадани (1039–1140). Донован пишет, что они выстроились в линию с западной стороны, лицами к могиле и прочитали молитву. Затем медленно обошли могилу по часовой стрелке. Подойдя с восточной стороны, они снова встали в линию, взорами к могиле. Совершив молитву, они вновь повторили движение по кругу [Donovan, 1883: 247]. На протяжении дальнейшего пути они несколько раз совершили подобные обряды, с неизменным хождением вокруг могил [Donovan, 1883: 253].

Интересно, отметить, что туркмены, сопровождавшие Донована, совершали круговые обходы только вокруг древних святых мест. Когда же они прошли мимо могилы своего современника, известного туркменского вождя Говшут-хана (1823–1878), то действия их были иные. Донован пишет, что они приблизились к захоронению Говшут-хана, которое представляло собою мавзолей 10–12 футов высотой, окруженного стеной, внутри которой росли гранаты. Путники остановились и, склонившись в молитве, отдали дань уважения покойному [Donovan, 1883: 176].

Практика получения благословения у могил святых часто практиковалась туркменскими музыкантами. Покровителем музыкантов у туркмен считается Ашик-Айдын. В прошлом начинающие музыканты практиковали паломничество к его могиле, где приводили всю ночь, играя на дугаре и распевая песни. Прося у своего патрона благословение, они несколько раз обходили могилу святого.

Традиция посещения и кругового обхода святых могил до сих пор практикуется у современных жителей Туркменистана. Подобные действия практикуются и туркме-

нами, проживающими в Узбекистане. К примеру, племя хизр-эли, совершая паломничество к святому месту Авлие-ата, совершают троекратный обход вокруг него [Маликов, 2013: 44].

У северных народов Евразии вход на святилище и выход из него обозначаются в обрядовом действии кругом (или тройным кругом). Если совершается жертвоприношение какому-либо духу, то его изображение трижды обносят вокруг шеи животного, предназначенного для заклания. Если священнодействие происходит у культовой нарты, то по его окончании отправитель обряда обводит правой рукой свое лицо [Головнёв, 1995: 200].

Известно, что древние турки, выполняя клятвенные обещания — *ант*, совершали круговые обходы вокруг святых мест. Это обстоятельство нашло отражение в их алфавите. Буква «атн» обозначена кругом с точкой посередине, или тремя точками с разорванным сверху кругом [Аманжолов, 2003: 299].

Клятвенные обещания с элементами вращения рукой просматриваются и в судебной практике туркмен. Исследовавший в XIX в. судебное дело туркмен А. П. Андреев так описывает принятие присяги обвиняемым. «Повторяя вслед за Куль-Мурад-казием установленные слова, они кружились вокруг Корана и приняли требуемую присягу: «Китаб-э-шерифы товаф эт» (обойдите вокруг, покружитесь около священной книги)! — сказал им в заключение казий, и оба присягавшие по очереди троекратно провели ладонями по раскрытому Корану, а затем умыли себе ими лицо» [Андреев, 1900: 546].

Лечение и очищение скотины на святых местах

Туркмены-скотоводы для лечения скота от таких массовых болезней, как тарп, оспа (мама), шан и других, обводили скотину вокруг могил популярных местных святых. Затем владелец стада — *баяр-баши* устраивал жертвоприношение (*садака*), а из мяса жертвенного животного готовили угощение. Если поблизости отсутствовало святое место, то пастухи делали имитацию могилы святого. Для этого на возвышенном месте вкапывали столб и на него вешали шапку духовного лица. После этого скот прогоняли несколько раз по кругу вокруг столба.

Пирум — покровителем коров у туркмен считается Зенги-баба. Согласно народному преданию, Зенги-баба выпускал коров пастись на луга, а сам предавался зикру. Однако коровы, слыша радения зикра, переставали кормиться и начинали дружно кружиться вокруг святого праведника.

Святыми считались «отпечатки копыт» легендарного коня Дюльдюль. Эти места пользовались особой популярностью среди населения. Считалось, что семикратное проведение вокруг них больных жеребят исцеляет их от недугов и болезней.

На Алтае существует поверье, что если конь вдруг останавливается у древнего кургана и стоит, не двигаясь, то в таких случаях говорят: «Шайтан коню ноги вяжет». В таком случае следует слезть с коня, обойти его по кругу и хлестнуть камчой по земле между ног животного, как бы перерубая пути нечистого. Можно также легонько плеткой постучать по копытам или зажечь кусочек арчи и очертить круг в воздухе, так как считается, что шайтан не любит камчу, арчу и огонь [Банников, 2017: 79].

Посещение святых мест хищниками

В прошлом у туркмен были широко распространены представления о паломничестве к святым местам тигров. Среди таких мест выделяется святилище Шивлан у подножия горы Сянт. Считается, что сюда в ночь на священные дни — среду (чаршенбе) или пятницу (анна, джума) тигры совершали паломничество. Верили, что хищники отдавали дань уважения святому Шивлану и трижды обходили вокруг мазара. Другим объектом паломничества тигров называется святилище Овез-шехид на среднем течении реки Сумбар и могила Сейит Неджепи, расположенная в верхнем течении этой реки. Приходящие сюда тигры будто бы также трижды обходили вокруг святых мест. В Анау находится воздвигнутый еще в XIX столетии мазар Ходжа Музаффара, вокруг которого, по существующему преданию, по ночам непрерывно кружится тигр [Демидов, 2020: 177].

Интересные наблюдения оставил академик М. Е. Массон: «В прежнее время среди местного населения было распространено убеждение, что лютый и бесстрашный царственный хищник смиряется только вблизи могил особо чтимых мусульманских святых, и это признавалось верным признаком их духовного величия... Приближаясь к месту погребения... каждый тигр будто бы выполнял положенную для паломников церемонию, три раза обходил вокруг мазара, а под конец прикладывался мордой к порогу постройки, возведенной над “святой могилой”» [Массон, 1963: 151].

Похоронно-поминальные обряды

Круговые обходы прослеживаются и в похоронно-поминальных обрядах. Древнекитайские источники сообщали о том, что тюрки оставляли покойника в палатке и совершали вокруг нее семикратное кружение [Бичурин, 1950: 230]. Иордан сообщал о скачках всадников вокруг шатра с телом Аттилы: «Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен» [Иордан, 1960: 117].

По сообщению Геродота, скифы после похорон царя убивали 50 слуг и 50 коней, извлекали из трупов внутренности и заполняли их отрубями. Затем, зашив их, располагали вокруг могилы [Геродот, 1972: 205]. Выставляемые вокруг могил стражи впоследствии стали заменяться каменными фигурами-балбалами, которых объезжали на лошадях три раза по направлению движения солнца.

В похоронно-поминальных обрядах символ круга занимает устоявшееся положение. К примеру, хакасское слово *ебрег*, означающее «поминование умершего, поминки», имеет прямое смысловое значение как «обхождение по кругу» [Традиционное..., 1988: 25].

Еще в начале XX в. Р. Карутц встречал на Мангышлаке каменные круги, являвшиеся остатками молитвенных мест и могильников, которые «представляют сложенные в круг камни» [Карутц, 1911: 9]. Путешественник отмечал, что вокруг могил из камней складывают низкий вал в виде круга [Карутц, 1911: 120]. Донован в своих заметках о прикаспийских туркменах также писал, что видел в Чекишляре могилы, вокруг которых были выложены небольшие круги из камней и кусков морского ракушечника [Донован, 1883: 125].

В западных районах Туркменистана сохранился обряд обхода вокруг вынесенного из дома тела покойного [Кондыбай]. Отголоски тройного обхода сохранились и в юж-

ных районах Туркменистана. Перед выносом покойника из дома трижды касаются носилками (табыт) о порог жилища. Также туркмены во время прощания с покойником трижды обводят ладонью над головой усопшего. То же самое повторяется и перед погребением покойного. Существует поверье, что побывавших на кладбище могут преследовать злые джины. Чтобы избежать их чар, следует трижды обойти вокруг фруктового дерева.

Поминки у туркмен проводят при большом скоплении народа. Люди собираются в просторных шатрах (*чадыр*), где родственники покойного сидят в его глубине, напротив входа. Прибывающие люди молча садятся, слегка пробуют еду, читают молитвы и, пожелав покойному мирное пребывание в раю, удаляются. Когда на поминки приезжают родственники покойного из далеких сел (*оба*), то при входе в шатер они обязаны поздороваться со всеми. При этом ход по кругу происходит против движения солнца.

Р. Карутц, описывая обычаи жителей Мангышлака, отмечал, что перед выносом тел вокруг головы покойного делают круговые движения мешочком, в котором находятся хлеб и мясо, позднее эти продукты съедают домочадцы покойного [Карутц, 1911: 118]. Представление о том, что голову покойного перед выносом надо обвести какой-либо пищей, а затем эту пищу съесть, существовало и у тюркоязычных народов Сибири [Кондыбай].

Посетивший Туркмению в конце XIX в. исследователь Ф. А. Михайлов так описывал момент отправки покойного мужчину на кладбище: «вдова умершего при увозе тела обегает несколько раз с рыданиями вокруг лошади или верблюда, на котором его увозят» [Михайлов, 1900: 55]. Донован отмечал, что мужчины, приблизившись к дому покойника, делали обход вокруг жилища по кругу. Обойдя дом три раза, они садились на ковер, продолжая проявлять свою глубокую печаль [Donovan, 1883: 242].

Трапеза

При рассмотрении процесса приема пищи у туркмен можно отметить правостороннее обращение предметов посуды. Блюда подавались в первую очередь главе семьи, если же в доме были гости, то в знак уважения право первоочередности переходило к ним. Далее пища подавалась к сидящим справа от них. Та же процедура наблюдается и при приеме хлеба (*чөрөк*, *нан*), который, как считается, обладает сакральными качествами. Краюшку круглого хлеба сначала отламывает глава семьи и далее передает хлеб по кругу сидящим справа от себя.

При приеме жидких блюд использовали общую крупную посуду, из которой черпали одной, общей для всех, деревянной ложкой. Каждый черпал похлебку один раз и клал ложку справа по краю миски, передавая тем самым очередность следующему. Если это были молочные напитки, например, *чал* — продукт из верблюжьего молока, то его также подносили сначала старшему лицу семейства, а затем передавали остальным по кругу с правой стороны.

Донован отмечал, что когда был в гостях у одного из мервских вождей — Махтумкули-хана (1859–1924), то его гости, рассевшись вокруг чашки, пили бульон единственной ложкой поочередно [Donovan, 1883: 262]. В другом рассказе Донован описывает, как хозяин пира взял чашу обеими руками и отпил несколько глотков бульона. Затем он пе-

редал чашку ближайшему гостю, который сделал то же самое, и чаша пошла по кругу, пока весь бульон не был выпит [Донован, 1883: 339].

У древних тюрков существовал обычай на особых торжествах пить из «круговой чаши». В туркменском эпосе «Огуз-наме» рассказывается о том, что сыновья Огуз-хана после ряда походов возвращаются к своему отцу. Огуз-хан по такому случаю устроил в их честь пир и «пустил чашу по кругу» [Рашид ад-Дин, 1987: 51]. О скифской традиции пить из «круговой чаши» писал Аристотель, отмечая, что «у скифов человек, не убивший ни одного неприятеля, не имел права во время праздника пить из круговой чаши» [Аристотель, 1983: 592]. У калмыков округлые края чаши-*аага* символизировали солнечный круг, т. е. саму жизнь. К разбитой посуде относились осторожно и старались не держать ее в доме [Борджанова, 2007: 123].

Заключение

Рассматривая вопрос о практике применения круговых обходов в обрядах и ритуалах туркмен, мы попытались уделить особое внимание направленности этого движения. Круговые обходы по солнцу (по часовой стрелке) традиционно использовались во время таких церемоний, как похороны и поминки, посещение святых мест, лечение человека, окуривание нового жилища. Совершались подобные ритуалы и при обследовании чего-то нового и неизвестного, когда исполнителями этих действий двигали такие чувства, как недоверчивость и осмотрительность. По нашему мнению, такие вещи, как смерть, болезнь, неизвестность, могли породить в обществе страх и хаос. Имитируя в своих круговых ритуалах «правильное» движение и следуя за перемещением солнца, люди продолжали существовать в потоке размеренной и организованной жизни.

Некоторые из этих практик со временем все же утратили свое прикладное назначение. Другие же продолжают находить свое реальное применение: при похоронно-поминальных обрядах и при ритуалах посещения святых мест. Однако время все же наносит свой отпечаток забвения. Церемонии эти совершаются неосознанно, без смысловой нагрузки, и потому выполняются неправильно, часто в противном положенному направлении. Примером тому могут служить случаи, когда святые места ныне стали обходить не по солнцу, а против его движения.

Обходы против солнца (против часовой стрелки) большей частью совершаются вокруг очистительного костра, в игровых развлечениях, при вызывании дождя, сценах инициации подростков и т. д. Двигаясь в этих обрядовых обходах, люди стремились на встречу лучам небесного светила с ясными мыслями и жизнестойкими убеждениями.

Сцена борьбы плохого и хорошего, опасного и защищенного, темного и светлого особо ярко отражены в круговых танцах. Малый круг танцующих может двигаться по солнцу, а охватывающий его большой круг — перемещаться против солнца. Двигаясь взад и вперед, танцующие воспроизводят вечную борьбу противоположностей, конец которой всегда остается за человеком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. Алматы : Мектеп, 2003. 368 с.

Андреев А. П. Туркменский суд // Исторический вестник. 1900. № 8. С. 524–555.

Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 830 с.

Банников К. Л. Спиритуальные представления чабанов плато Укок (Алтай) // Сакральное на традиционном Востоке. М. : ИВ РАН, 2017. С. 77–93.

Басилов В. Н. Пережитки шаманства у туркмен-гёкленов // Древние обряды верования и культуры народов Средней Азии. М. : Наука, 1986. С. 94–110.

Бёрнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества. Часть третья. [Из 3-х частей]. М. : Изд. И. В. Голубкова, 1849. 628 с.

Бичурин Н. Я. [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая, 1950. 382 с.

Борджанова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста : Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.

Брусина О. И. Ставропольские туркмены // Туркмены. М. : Наука, 2016. С. 469–492.

Володин А. А. Трухменская степь и трухмены // СМОМПК. Тифлис, 1908. № 38. Отд. 1. С. 1–98.

Ганиев Б. С. Социально-философские (в предпринимательском контексте) взгляды Захириддина Мухаммада Бабура // Интеллектуальное наследие Захириддина Мухаммада Бабура и современность : сборник статей и тезисов докладов Международной научно-практической конференции. М. : Пробел-2000, 2020. С. 131–135.

Геродот. История: в 9 кн. Л. : Наука. 1972. 600 с.

Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : УрО РАН : Волот, 2009. 496 с.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 607 с.

Дашковский П. К. Вещь в традиционной культуре народов Центральной Азии: философско-культурологическое исследование. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. 252 с.

Демидов С. М. Растения и животные в легендах и верованиях туркмен. Серия «Этнография туркмен». Вып. 1. М. : Старый сад, 2020. 446 с.

Зеленин Д. К. Магическая функция примитивных орудий // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. Серия VII. 1931. № 6. С. 713–754.

Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих = Полный свод истории. Избранные отрывки. Ташкент : Узбекистан, 2006. 560 с.

Ибн аль-Факих. Извлечения из «Китаб ахбар ал-Булдан» по Мешхедской рукописи // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. Т. I. С. 151–155.

Идрисов Э. Ш. Хозяйственная деятельность ногайцев Нижнего Поволжья в XVII–XIX вв. // Историческая и современная регионалистика Верхнего Дона и Нижнего Поволжья. Волгоград, 2005. С. 148–155.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 436 с.

Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1911. 188 с.

Кондыбай С. Происхождение слова. URL: <http://otuken.kz>. (дата обращения: 02.01.2021).

Лобачева Н. П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // СЭ. 1981. № 2. С. 36–50.

Маликов А. М. Туркмены родов хизр-эли и чандир долины Зеравшана: история и обычаи // Известия НАН Республики Казахстан. СОГН. 2013. № 2. С. 40–47.

Мамедов-Тагисой Н. Сравнительно-сопоставительное изучение азербайджанских и туркменских свадебных обрядов // Мирас. № 4 (72). 2018. С. 68–87.

Массон М. Е. Из прошлого тигров в Средней Азии // Научные труды ТашГУ. Вып. 200. Археология Средней Азии. Т. VI. Ташкент, 1963. С. 151–152.

Махтумкули. Избранное. М. : Художественная литература, 1983. 414 с.

Махтумкули // Поэзия народов СССР IV–XVIII веков. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 55. М. : Художественная литература, 1972. С. 554–611.

Мирхонд. Извлечения из «Раузат ас-сафа» Мирхонда // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 450–468.

Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь: этнографический очерк. Асхабад, 1900. 79 с.

Набиева Ф. Р. Общее и особенное в круговых танцах тюркских народов // Наука, образование, культура. 2016. № 11 (14). С. 52–56.

Потапов Л. П. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя // Тр. ТКАЭЭ. М. ; Л., 1960. Т. I. С. 171–237.

Путешествия Григория Силыча Карелина по Каспийскому морю. СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1883. (Зап. имп. Рус. геогр. об-ва по общ. географии. Т. 10). 497 с.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М. ; Л. : АН СССР. 1952. 316 с.

Рашид-ад-Дин / Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Баку : Элм, 1987. 128 с.

Самани. Извлечение из «Китаб ал-ансаб» Абу-Са'да ас-Сам'ани // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. С. 325–343.

Султангареева Р. А. Мировоззренческие основы башкирского кругового танца // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 401–403.

Текеева Л. К. Использование животных в этномедицине тюркоязычных народов Северного Кавказа // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 141–144.

Ткачев В. Н. Эволюция охранной символики в архитектуре кочевников Центральной Азии // Советская этнография. 1985. № 1. С. 35–48.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 225 с.

Хангельдыева Г. Зарождение национального танца куштдепди и его совершенствование // Мирас. 2018. № 2. С. 51–65.

Donovan E. The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news". Vol. II. G. P. Putnam's Sons, New York. 1883. 500 p. (на англ. яз.).

REFERENCES

Amanzholov A. S. *Istoriya i teoriya drevnetyurkskogo pis'ma* [History and theory of ancient Turkic writing]. Almaty: Mektep, 2003. 368 s. (in Russian).

Andreyev A. P. *Turkmenskiy sud* [Turkmen Court]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin]. 1900. no. 8. S. 524–555 (in Russian).

Aristotel'. *Sochineniya* [Works]. In 4 volumes. Vol. 4. M.: Mysl', 1983. 830 s. (in Russian).

Bannikov K. L. Spiritual representations of the shepherds of the Ukok plateau (Altai) [Spiritual'nyye predstavleniya chabanov plato Ukok (Altay)]. *Sacral in the traditional East* [Sakral'noye na traditsionnom Vostoke]. M.: IV RAN, 2017. S. 77–93 (in Russian).

Basilov V. N. *Perezhitki shamanstva u turkmen-goklenov* [Remnants of shamanism among the Turkmen-Göcklen]. *Drevniye obryady verovaniya i kul'tury narodov Sredney Azii* [Ancient rituals of belief and culture of the peoples of Central Asia]. M.: Nauka, 1986. S. 94–110 (in Russian).

Borns A. *Puteshestviye v Bukharu* [Journey to Bukhara]. Part three. M.: Izdaniye I. V. Golubkova. V Universitetskoy tipografii, 1849. 628 s. (in Russian).

Bichurin N. YA. [Iakinf] *Sobraniye svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevniye vremena. Chast' 1.* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. Part 1.]. M.; L.: 1950, Izd-vo AN SSSR, Institut etnografii im. Miklukho-Maklaya. 382 s. (in Russian).

Bordzhanova T. G. *Obryadovaya poeziya kalmykov (sistema zhanrov, poetika)* [Ritual poetry of the Kalmyks (system of genres, poetics)]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 2007. 592 s. (in Russian).

Brusina O. I. *Stavropol'skiye turkmeny* [Stavropol Turkmen]. *Turkmeny* [Turkmen]. M.: Nauka, 2016. S. 469–492 (in Russian).

Volodin A. A. *Trukhmenskaya step' i trukhmeny* [Trukhmenskaya steppe and Trukhmeny]. SMOMPK [SMOMPK]. Tiflis, 1908. no 38. Otd. 1. S. 1–98 (in Russian).

Ganiyev B. S. *Sotsial'no-filosofskie (v predprinimatel'skom kontekste) vzglyady Zakhiriddina Mukhammada Babura* [Social and philosophical (in an entrepreneurial context) views of Zakhiriddin Muhammad Babur]. *Intellektual'noye naslediyе Zakhiriddina Mukhammada Babura i sovremennost'* [Intellectual heritage of Zakhiriddin Muhammad Babur and the present]. M.: Probel-2000, 2020. S. 131–135 (in Russian).

Gerodot. *Istoriya v devyati knigakh* [History in nine books]. L.: Nauka. 1972. 600 s. (in Russian).

Golovnov A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Yevrazii)* [Anthropology of movement (antiquities of Northern Eurasia)]. Yekaterinburg: UrO RAN; "Volot", 2009. 496 s. (in Russian).

Golovnov A. V. *Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrO RAN, 1995. 607 s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Veshch' v traditsionnoy kul'ture narodov Tsentral'noy Azii: filosofsko-kul'turologicheskoye issledovaniye* [The Thing in the Traditional Culture of the Peoples of Central Asia: a Philosophical and Cultural Research]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012. 252 s. (in Russian).

Demidov S. M. *Rasteniya i zhivotnyye v legendakh i verovaniyakh turkmen. Seriya "Etnografiya turkmen"*. Vyp. 1. [Plants and animals in the legends and beliefs of the Turkmen. Series "Ethnography of Turkmen". Issue 1]. M.: Staryy sad, 2020. 446 s. (in Russian).

Zelenin D. K. *Magicheskaya funktsiya primitivnykh orudiy* [Magic function of primitive tools]. *Izvestiya AN SSSR* [News of the USSR Academy of Sciences.]. Seriya VII. 1931. no 6. S. 713–754 (in Russian).

Ibn al-Asir. *Al-Kamil fi-t-ta'rikh. Polnyy svod istorii* [Al-Kamil fi-t-ta'rikh. Complete set of history]. *Izbrannyye otryvki* [Selected Passages]. Tashkent: Uzbekistan, 2006. 560 s. (in Russian).

Ibn al' — Fakikh. *Iz vlecheniya iz "Kitab akhbar al-Buldan" po Meshkhedskoy rukopisi* [Extracts from "Kitab Akhbar al-Buldan" based on the Mashhad manuscript]. *Materialy po istorii turkmeni Turkmenii* [Materials on the history of the Turkmen and Turkmenia]. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1939. T. I. S. 151–155 (in Russian).

Idrisov E. SH. *Khozyaystvennaya deyatelnost' nogaytsev Nizhnego Povolzh'ya v XVII–XIX vv.* [Economic activity of the Nogais of the Lower Volga region in the 17th — 19th centuries]. *Istoricheskaya i sovremennaya regionalistika Verkhnego Dona i Nizhnego Povolzh'ya* [Historical and modern regional studies of the Upper Don and the Lower Volga region]. Volgograd. 2005. S. 148–155 (in Russian).

Iordan. *O proiskhozhdenii i deyaniiyakh getov* [About the origin and deeds of the Getae]. M.: Izd-vo vostochnoy literatury, 1960. 436 s. (in Russian).

Karutts R. *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake* [Karutts R. Among the Kirghiz and Turkmen in Mangyshlak]. SPb: Izd-e A. F. Devriyena, 1911. 188 s. (in Russian).

Kondybay S. *Proiskhozhdeniye slova* [The origin of the word]. Available at: otuken.kz. (accessed January 2, 2021) (in Russian).

Lobacheva N. P. *Svadebnyy obryad kak istoriko-etnograficheskiy istochnik (na primere khorezmskikh uzbekov)* [Wedding ceremony as a historical and ethnographic source (on the example of Khorezm Uzbeks)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1981. № 2. S. 36–50 (in Russian).

Malikov A. M. *Turkmeny rodov khizr-eli i chandir doliny Zeravshana: istoriya i obychai* [Turkmen of the Khizr-Eli and Chandir clans of the Zeravshan valley: history and customs]. *Izvestiya NAN Respubliki Kazakhstan* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan]. SOGN. 2013, № 2. S. 40–47 (in Russian).

Mamedov-Tagisoy N. *Sravnitel'no-sopostavitel'noye izucheniye azerbaydzhanskikh i turkmenskikh svadebnykh obryadov* [Comparative and comparative study of Azerbaijani and Turkmen wedding ceremonies]. *Miras* [Miras]. № 4 (72). 2018. S. 68–87 (in Russian).

Masson M. Ye. *Iz proshlogo tigrov v Sredney Azii* [From the past of tigers in Central Asia]. *Nauchnyye trudy TashGU* [Scientific works of the Tashkent State University]. Issue 200. *Arkheologiya Sredney Azii* [Archeology of Central Asia], VI. Tashkent. 1963. S. 151–152 (in Russian).

Makhtumkuli. Izbrannoye [Favorites]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. 414 s. (in Russian).

Makhtumkuli [Makhtumkuli]. *Poeziya narodov SSSR IV–XVIII vekov. Biblioteka vsemirnoy literatury. Seriya pervaya. t. 55.* [Poetry of the peoples of the USSR of the IV–XVIII centuries. Library of World Literature. Series one. T. 55.]. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1972. S. 554–611 (in Russian).

Mirkhond. Izvlecheniya iz “Rauzat as-safa” Mirkhonda. [Extracts from “Rauzat as-safa” Mirkhond]. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* [Materials on the history of the Turkmen and Turkmenia]. T. I. M. — L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1939. S. 450–468 (in Russian).

Mikhaylov F. A. *Tuzemtsy Zakaspiyskoy oblasti i ikh zhizn'. Etnograficheskiy ocherk.* [The natives of the Transcaspiian region and their life. Ethnographic sketch]. Ashabad, 1900. 79 s. (in Russian).

Nabiyeva F. R. Obschcheye i osobennoye v krugovykh tantsakh tyurkskikh narodov [General and special in the circular dances of the Turkic peoples. Science, education, culture]. *Nauka, obrazovaniye, kul'tura* [Science, education, culture]. 2016. № 11 (14). S. 52–56 (in Russian).

Potapov L. P. *Materialy po etnografii tuvintsev rayonov Mongun-Taygi i Kara-Kholya* [Materials on the ethnography of Tuvans in the Mongun-Taiga and Kara-Khol regions]. Tr. TKAEE [Tr. TKAEE.]. M.; L., 1960. T. I. S. 171–237 (in Russian).

Puteshestviya Grigoriya Silycha Karelina po Kaspiyskomu moryu [Travels of Grigory Silych Karelin across the Caspian Sea]. SPb: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1883. 497 s. (in Russian).

Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisey.* T. 1. Kn. 2. [Collection of chronicles. T. 1. Book. 2.]. M.; L.: AN SSSR. 1952. 316 p. (in Russian).

Rashid-ad-Din / Fazlallakh Rashid ad-Din. *Oguz-name* [Oguz-name]. Baku: Elm, 1987. 128 s. (in Russian).

Samani. Izvlecheniye iz “Kitab al-ansab” Abu-Sa'da as-Sam'ani [Extract from “Kitab al-ansab” by Abu-Sa'd al-Sam'ani]. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* [Materials on the history of the Turkmen and Turkmenia]. T. 1. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1939. S. 325–343 (in Russian).

Sultangareyeva R. A. Mirovozzrencheskiye osnovy bashkirskogo krugovogo tantsa [Worldview foundations of the Bashkir circular dance]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2013. № 11. S. 401–403 (in Russian).

Tekeyeva L. K. Ispol'zovaniye zhivotnykh v etnomeditsine tyurkoyazychnykh narodov Severnogo Kavkaza [The use of animals in ethnomedicine of the Turkic-speaking peoples of the North Caucasus]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. Story]. 2013. № 6 (26). S. 141–144 (in Russian).

Tkachev V. N. Evolyutsiya okhrannoy simboliki v arkhitekture kochevnikov Tsentral'noy Azii [Evolution of security symbols in the architecture of the nomads of Central Asia]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1985, № 1. S. 35–48 (in Russian).

Traditsionnoye mirovozzrenne tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-niye, 1988. 225 p. (in Russian).

Khangel'dyyeva G. Zarozhdeniye natsional'nogo tantsa kushtdepdi i yego sovershenstvovaniye [The origin of the national dance kushtdepdi and its improvement]. *Miras* [Heritage]. 2018. no 2. S. 51–65 (in Russian).

Donovan. The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news". Vol. II. G. P. Putnam's Sons, New York. 1883. 500 p.

Статья поступила в редакцию 13.02.2021

Принята к публикации 22.07.2021

Дата публикации 20.09.2021